

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2019, №3, Том 10 / 2019, No 3, Vol 10 <https://sfk-mn.ru/issue-3-2019.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/04FLSK319.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Ткаченко О.Ю. Особенности изучения лексико-семантического поля в художественном тексте (на примере лексико-семантического поля моральной оценки в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы») // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2019 №3, <https://sfk-mn.ru/PDF/04FLSK319.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Tkachenko O.Yu. (2019). Features of studying of the lexico-semantic field in the literary text (on the example of the lexico-semantic field of moral assessment in the novel by F.M. Dostoevsky «The Brothers Karamazov»). *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 3(10). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/04FLSK319.pdf> (in Russian)

УДК 81`42

ГРНТИ 16.21.33

Ткаченко Ольга Юрьевна¹

ФГБОУ ВО «Литературный институт имени А.М. Горького», Москва, Россия

Доцент кафедры «Русского языка и стилистики»

Кандидат филологических наук

E-mail: non_ho_paura@mail.ru

РИНЦ: http://elibrary.ru/author_profile.asp?id=777492

Особенности изучения лексико-семантического поля в художественном тексте (на примере лексико-семантического поля моральной оценки в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»)

Аннотация. В статье описывается методика исследования состава и структуры лексико-семантического поля в художественном тексте, разработанная автором в процессе изучения морально-оценочной лексики в художественных текстах Ф.М. Достоевского. Задачи и принципы исследования лексико-семантического поля в тексте отличаются от задач и принципов его изучения на материале языка, поэтому для работы с лексико-семантическим полем как текстовой структурой требуется особый подход, учитывающий, с одной стороны, неразрывную связь текста с общекультурными представлениями, закрепленными в языке, с другой – первостепенную важность отличий текстового поля от общеязыкового. Именно эти отличия позволяют на уровне лексики зафиксировать значимые явления авторской языковой картины мира, сопоставить авторскую и общеязыковую концептосферы.

Предложенная в статье методика описывает четыре обязательных этапа исследования лексико-семантического поля в тексте: определение ядерной зоны поля, изучение общеязыковых единиц поля в тексте, изучение индивидуально-авторских единиц и комплексное изучение единиц поля в ключевых фрагментах текста. Автор доказывает, что даже при работе с общеязыковыми единицами поля в тексте, необходимо постоянное обращение к

¹ <http://litinstitut.ru/content/tkachenko-olga-yurevna>

<https://www.facebook.com/profile.php?id=100000162800678&ref=bookmarks>

контексту, предлагает возможные способы проверки отнесенности единицы к исследуемому полю и определения места в его структуре с учетом художественного контекста. Последний этап изучения поля предполагает реконструирующий анализ текста, устанавливающий функцию исследуемого поля, а также роль репрезентируемых им идей и образов в тексте.

Каждый из четырех этапов проиллюстрирован примерами функционирования единиц лексико-семантического поля моральной оценки в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», однако описанная методика представляется универсальной, применимой к различным полям как в художественных, так и в нехудожественных текстах.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле; художественный текст; моральная оценка; оценочная лексика; семантика; семантический анализ; Достоевский; «Братья Карамазовы»; концептосфера; языковая картина мира

На сегодняшний день полевой способ описания лексики исключительно популярен как в исследованиях лексических систем на материале языка в целом, так и в исследованиях, посвященных лексике отдельного текста или группы текстов. В частности, широкое распространение в последние годы получили исследования лексико-семантических полей (ЛСП) на материале художественного текста [1–9]. Работы такого типа, без сомнения, важны для изучения авторской языковой картины мира, поскольку они дают детальное представление о составе и структуре значимых для писателя групп лексики. Между тем единого подхода к изучению ЛСП в художественном тексте до сих пор не выработано, как не собрано и единой теоретической базы для поиска такого подхода.

Цель данной статьи – представить один из возможных механизмов исследования ЛСП в художественном тексте, а также пригласить к теоретической дискуссии ученых-филологов, изучающих лексико-семантические поля на материале художественной и нехудожественной литературы. Описываемая методика исследования была разработана нами в ходе изучения лексико-семантического поля моральной оценки на материале художественных текстов Ф.М. Достоевского [10]. В данной статье в качестве иллюстраций к различным этапам исследования ЛСП мы будем использовать данные и результаты изучения ЛСП моральной оценки в романе «Братья Карамазовы» – вершинном и важнейшем с точки зрения этической структуры художественного мира писателя тексте.

Основным превосходством полевой структуры над другими формами репрезентации лексической системы текста, на наш взгляд, является комплексность и наглядность представления ядерных и периферийных лексических явлений, а также объективность установления связей единиц в пределах изучаемой лексической области. В то же время необходимо помнить, что ЛСП представляет собой «двухстороннее единство, имеющее план содержания и выражения <...>, построенное на семантической основе и отражающее элементы универсального мыслительного содержания, которое определяется внеязыковой действительностью и ее отражением в сознании людей» [11, с. 39]. Иными словами, ЛСП, при всей объективности, стройности и строгости внутренних семантических связей его компонентов, не ограничивается областью семантики и не может изучаться без учета экстралингвистических факторов, поскольку является лексической фиксацией концептосферы. В случае с изучением ЛСП в художественном тексте – как минимум двух концептосфер: общекультурной, закрепленной в языке, и авторской, реализуемой авторским идиолектом. Таким образом, при изучении ЛСП в художественном тексте представляется целесообразным, с одной стороны, объективно, опираясь на реальное семантическое соотношение единиц языка, фиксируемое словарями и иными кодифицирующими текстами, установить базовое соотношение единиц исследуемого ЛСП и выстроить их ожидаемую – общеязыковую –

систему, с другой – выявить посредством комплексного анализа текста отклонения от этой системы, определяющие значимые – авторские – ее трансформации.

Руководствуясь изложенными соображениями, мы разработали следующий механизм анализа состава и структуры ЛСП в художественном тексте.

1. Поскольку ЛСП представляет собой «совокупность языковых единиц, объединенных общим (интегральным) семантическим признаком, выражающимся лексемой с обобщенным значением (архилексемой, гиперсемемой), а также различающихся частными (дифференциальными) признаками» [11, с. 41], вопрос о включении или невключении лексической единицы в состав ЛСП должен решаться на основании наличия или отсутствия гиперо-гипонимических связей слова с центральными – ядерными – лексемами поля. А значит, первой и основополагающей задачей при изучении ЛСП является **выявление его ядерной зоны**. Для некоторых полей (таких как ЛСП «Цвет», «Животные», «Транспорт») ядерная зона совпадает с названием поля и его производными. Впрочем, и в случае с такими – на первый взгляд простыми – полями необходимо учитывать возможную многозначность ядерной лексемы. Так, состав и структура поля с ядерной лексемой «*транспорт*» в значении «тот или иной вид перевозочных средств» будет разительно отличаться от одноименного поля, соотношенного со значением «транспортирование, перевозка чего-либо»².

Для более сложных структурно полей определение ядерных лексем может стать непростой задачей. Например, любое оценочное поле заведомо представляет сложную биполярную структуру, а значит, имеет как минимум две ядерные лексемы, в наиболее общем виде представляющие положительную и отрицательную зоны оценочной шкалы по заданному основанию оценки (признаку, по которому осуществляется оценивание). Если для параметрических оценок такие лексемы в большинстве случаев определяются однозначно (*большой/маленький, тяжелый/легкий, далеко/близко* и т. д.), непараметрические, субъективные оценки (эстетические, этические) – именно в силу субъективности – требуют анализа материала предстоящего исследования уже на этапе выявления ядерных лексем поля.

Так, к ядерной зоне ЛСП моральной оценки, помимо очевидных общих лексем «*добро*» и «*зло*», образованных от них характеристик «*добрый*» и «*злой*» и имени поля «*моральный*» (с синонимическими вариантами «*нравственный*», «*этический*»), мы относим ряд лексем, в наиболее общем виде представляющих в языке религиозную основу этического идеала («*Бог*», «*Христос*», «*вера*»), а также соотносимые единицы отрицательной области («*безбожие*», «*безверие*»). Такое решение обусловлено рядом причин – лингвистических и экстралингвистических. К экстралингвистическим можно отнести спаянность этических и религиозных представлений как на уровне концептосферы русской культуры, так и на уровне исследуемой авторской концептосферы. Не подлежит сомнению, что «изучая отражение в индивидуальном творчестве явлений народной культуры, нельзя не считаться с ее особенностями» [12, с. 48], поэтому, вне зависимости от того, насколько характерна для писателя, тексты которого мы собираемся изучать, спаянность религиозного и нравственного чувств, о включении религиозной лексики в ядерную зону ЛСП моральной оценки стоило задуматься уже потому, что такая спаянность составляет основу этики традиционной русской православной культуры. В творчестве же Достоевского, для которого «Лик Христов является единственным мерилем добра и зла» [13, с. 223], связь нравственного и религиозного чувства становится не просто частью контекста, но центральной идеей, вне которой разговор об этической картине мира автора невозможен.

² Словарь русского языка: в 4 т. (МАС) / Под ред. А.П. Евгеньевой; РАН; Ин-т лингвистич. исследований. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999.

Спаянность нравственных и религиозных представлений на уровне культурного сознания закрепляется и в языке. Среди лингвистических оснований включения названных лексем с религиозным значением в ядерную зону ЛСП моральной оценки, назовем главное: будучи тесно связанными и обнаруживая регулярные контекстные сближения в языке с общими морально-оценочными лексемами «добро», «зло», они не вступают с ними в гиперо-гипонимические отношения, а находятся на одном уровне. Таким образом, лексемы обеих групп необходимо признать не просто включаемыми в ЛСП моральной оценки, но и структурирующими его.

2. После определения ядерной зоны поля можно перейти к выявлению в исследуемом тексте общезыковых единиц ЛСП, а также их последующей систематизации и анализу. Общезыковыми мы называем такие единицы ЛСП, которые содержат прямо или опосредованно соотносимые с его ядром семы в структуре общезыкового значения, фиксируемого словарной дефиницией, и сохраняют их в авторском контексте. Выделение таких единиц осуществляется в два этапа. На первом этапе методом сплошной выборки из исследуемого (-ых) текста (-ов) необходимо выбрать все единицы, контекстное значение и окружение которых позволяет сделать предположение об их принадлежности исследуемому ЛСП. Второй этап предполагает проверку наличия в структуре значения каждой из выбранных единиц сем, отсылающих к ядерной зоне ЛСП, при помощи ряда авторитетных словарей. Наконец, необходимо провести итоговую проверочную вычитку текста, параллельно определяя место каждой единицы в структуре ЛСП. После этого можно перейти к классификации и систематизации выбранных лексических единиц (принципы классификации и систематизации вырабатываются индивидуально, с учетом особенностей ЛСП и конечных целей исследования).

Так, при изучении оценочных полей целесообразным представляется уже на этапе выборки фиксировать оценочный знак лексемы – является оценка положительной или отрицательной. Оценочный знак лексемы не всегда может быть определен вне контекста, поэтому устанавливать его удобнее одновременно с проверкой наличия в структуре значения сем изучаемого ЛСП. Например, в составе ЛСП моральной оценки в художественных текстах Ф.М. Достоевского нами были выявлены две группы лексем, характеризующихся энантиосемией, – лексемы с корнями *-горд-* («гордо», «гордость», «гордый») и *-стыд-* («стыд», «стыдно»). Отнесенность таких лексем к положительной или отрицательной зоне ЛСП определяется исключительно контекстом.

Всего в тексте романа «Братья Карамазовы» было выделено 7050 употреблений общезыковых единиц с морально-оценочным значением, из них 4070 употреблений отрицательных единиц и 2980 употреблений положительных. Если считать не случаи употребления, а отдельные единицы, входящие в ЛСП, получаем 609 отрицательных и 251 положительную единицу. Сопоставление полученных данных с общезыковой системой морально-оценочной лексики, а также с данными по другим текстам Достоевского показывает, что значительное количественное превосходство пейоративов не является особенностью романа «Братья Карамазовы», но связана с общим преобладанием отрицательных оценочных лексем в языке. Более того, в тексте «Братьев Карамазовых» частотность положительной лексики очень высока. Например, по сравнению с «Записками из подполья» – самым ранним этически ориентированным текстом Достоевского – частотность положительных оценочных единиц в «Братьях Карамазовых» почти вдвое выше.

Эти первичные данные статистической обработки общезыковой части ЛСП иллюстрируют важнейшее в контексте эволюции творчества Достоевского положение: если «Записки из подполья» – этически однополюсный текст, выводящий героя, ценностная система которого максимально и подчеркнута отделена от авторского и общекультурного нравственного идеала, «Братья Карамазовы» – биполярный текст, в котором позиция добра –

нравственного идеала – выведена с большей, чем во всех предшествующих текстах, силой, способной не только обличить зло, но и вступить с ним в открытое противостояние. Эта действующая, воплощенная сила обнаруживается не только в беспрецедентной глубине и деятельного участия в тексте образах положительных героев (Алеша, Зосима), но и на уровне слова.

Другое важное, на наш взгляд, положение, касающееся морально-оценочной лексики, было выведено на этапе описания структуры ЛСП. Представляя выбранные из текстов Ф.М. Достоевского единицы в виде поля, наглядно демонстрирующего связи единиц и их расположение относительно центра, мы заметили, что в положительной зоне наиболее частотными являются единицы, принадлежащие ядерной зоне или примыкающие к ней, при этом периферийная зона – зона единиц, отдаленных от ядра длинной цепочкой семантических связей (например, *заискивание – лезть – притворство – обман – ложь – зло / отрицательное нравственное качество*) – наполнена незначительно. Для отрицательной зоны ЛСП, напротив, характерна повышенная концентрация лексем в периферийной и околопериферийной зонах. Это наблюдение является общим для всех исследованных текстов и, вероятно, отражает не авторскую, а общеязыковую особенность ЛСП моральной оценки – распределение лексем в двухъядерном поле не симметрично: количественное преобладание в нем пейоративов связано с разветвленной системой периферийных единиц, в то время как в группе лексем, называющих наиболее общие этические понятия, преобладают мелиоративы. Представляется, что таким образом находит отражение не только в тексте, но и в языке идея противостояния основополагающего и всеобщего начала добра множественным конкретизированным проявлениям зла – идея, организующая центральный конфликт зрелого творчества Достоевского, в полной мере раскрытый именно в «Братьях Карамазовых».

3. На третьем этапе необходимо выявить в тексте, систематизировать и проанализировать индивидуально-авторские единицы ЛСП – единицы, которые на общеязыковом уровне не обнаруживают в структуре значения сем, относящих их к данному ЛСП, но обретают эти семы в авторском контексте.

Заметим, что выявление индивидуально-авторских морально-оценочных единиц в тексте не имеет столь четкого алгоритма, как выявление общеязыковых, поскольку сам механизм контекстного развития семы ЛСП у разных единиц может значительно отличаться. В одних случаях лексическая единица хотя и не обнаруживает необходимой для отнесения к ЛСП семой, явно обладает потенциалом ее развития на уровне языкового употребления. Так, например, зоонимы, переносящие номинацию с животного на человека, обладают богатым оценочным потенциалом в языке [14]: даже если соответствующая сема не фиксируется словарной дефиницией, она может быть активирована в любой момент, как в художественном тексте, так и в процессе живого эмоционального общения. Это связано с глубинной культурной закрепленностью регулярных ассоциаций с тем или иным животным, находящих отражение на уровне лексики и фразеологии.

В других случаях значение индивидуально-авторской оценочной лексемы не имеет закрепленных культурных ассоциаций и устанавливается исключительно контекстуально. Ярким примером такого непредсказуемого развития морально-оценочной семы в тексте «Братьев Карамазовых» является текстовое сближение значения лексем «*Бернар*» и «*подлец*» в речи Мити:

«– ...Какой там был *Карл Бернар*?

– *Карл Бернар*? – удивился опять Алеша.

– Нет, не Карл, постой соврал: *Клод Бернар*. Это что такое? Химия что ли?

– Это должно быть ученый один, – ответил Алеша, – только, признаюсь тебе, и о нем много не сумею сказать. Слышал только, ученый, а какой, не знаю.

– Ну и чорт его деру, и я не знаю, – обругался Митя. – **Подлец**

какой-нибудь, всего вероятнее, да и **все подлещы**. А Ракитин пролезет, Ракитин в щелку пролезет, тоже **Бернар**. Ух, **Бернары!** Много их расплодилось!»³.

Приблизительный механизм выявления индивидуально-авторских единиц ЛСП можно описать следующим образом. Поскольку развитие новых сем в структуре значения всегда связано с текстовой образностью и часто – с эмоциональностью высказывания, сначала необходимо выделить в тексте потенциально относящиеся к ЛСП единицы по признакам их (1) интуитивно определяемой связи с тематикой ЛСП, (2) ассоциативной образности и (3) повышенной эмоциональности. Затем необходимо проанализировать контекст употребления выделенной единицы, попытаться описать механизм текстового развития искомых сем. Это может быть общекультурная ассоциация, регулярное текстовое сближение с другими единицами ЛСП, художественная дефиниция, как в случае с лексемой «Бернар» [15], и др. Наконец, если механизм определен, необходимо провести проверку текстовых употреблений единицы с признаками контекстного семантического сдвига путем ее замещения общеязыковым синонимом, принадлежащим исследуемому ЛСП. Так, после приведенного фрагмента, вводящего значение «*Бернар = подлец*», лексема свободно употребляется в речи Мити в этом значении: «*Что адвокат! <...> Мягкая шельма, столичная. Бернар <подлец>!*»⁴, «*я и сам Бернар <подлец> презренный*»⁵, «*не прошло и тут без эпизода со стороны Мити: взбешенный тоном, с каким Ракитин выразился о Грушеньке, он вдруг закричал со своего места: «Бернар <подлец>!*»⁶ и т. д.

Определение места индивидуально-авторской единицы ЛСП в его структуре осложнено не менее, чем выделение таких единиц. В то время как алгоритм выявления общеязыковых ядра, приядерной, средней и периферийной зон ЛСП ясен и выводится из самого определения ЛСП, место в его структуре индивидуально-авторской единицы во многом зависит от подхода. С одной стороны, все индивидуально-авторские единицы, обнаруживая опосредованную связь с ЛСП через художественный образ, в каком-то смысле периферийны. С другой – можно попытаться определить их место в полевой структуре посредством соотнесенности с общеязыковыми единицами.

Еще более сомнительной представляется попытка анализа частотности употребления индивидуально-авторских единиц ЛСП, неизменно значимого и показательного для общеязыковых. Дело в том, что функционирование индивидуально-авторской оценочной единицы в тексте часто ограничено: так, в приведенном примере лексема «Бернар» закреплена за речью Мити, и уже на этом основании ее частотность нелогично сравнивать с частотностью свободно функционирующих в тексте общеязыковых оценок. Даже если подобных ограничений в тексте нет, запоминаемость и – как следствие – значимость для читателя индивидуально-авторской единицы ЛСП определяется не количественно (частотностью употребления), а качественно (яркостью образной трансформации значения). Вот почему при анализе индивидуально-авторских морально-оценочных единиц в текстах Достоевского мы

³ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Т. 15. Братья Карамазовы. Кн. 11–12. Эпизод. Рукописные ред. / текст подгот. и примеч. сост. А.И. Батюто и др. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. – 624 с. С. 28.

⁴ Там же, с. 32.

⁵ Там же, с. 35.

⁶ Там же, с. 101.

отказались от статистических данных и установления места единиц в структуре ЛСП. Разумеется, это решение не универсально: для других полей методики систематизации, традиционно используемые для языкового состава ЛСП, могут оказаться применимыми. Мы же ограничимся классификацией индивидуально-авторских морально-оценочных единиц в «Братьях Карамазовых» по способу развития морально-оценочной семы в структуре значения.

По этому признаку все выделенные нами в тексте индивидуально-авторские единицы исследуемого ЛСП делятся на три группы: единицы с измененным основанием оценки, символические слова и авторские морально-оценочные термины.

К первой группе мы относим индивидуально-авторские оценочные единицы, которые развивают этические семы в составе значения оценочных лексем, на общезыковом уровне имеющим неэтическое основание. Например, в составе эстетических оценок («Ужасно то, что **красота** есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут **дьявол с богом борется**, а поле битвы – сердца людей»⁷) или интеллектуальных («У Ивана **бога нет**. У него **идея**»⁸). Заметим, что трансформация положительных интеллектуальных оценок в отрицательные этические характерна для многих художественных текстов Достоевского и имеет особую идейную нагрузку: трагедия мыслящих, но не верующих героев-идеологов Достоевского разыгрывается именно из-за того, что они подменяют нравственные ценности, центральные для русской аксиологической картины мира, абстрактными мыслительными экспериментами и теоретическими интеллектуальными изысканиями.

Ко второй группе – символическим словам – мы относим единицы, имеющие высокий потенциал развития морально-оценочных сем благодаря богатому фоновому контексту, репрезентирующие в языке ключевые для культуры понятия. К этой группе относятся слова «счастье», «жизнь», «власть», «свобода» и пр. Из-за широты значений символических слов, они часто становятся в тексте предметом художественного спора об определениях, наделяемые в речи одного персонажа одним значением, а другого – противоположным (см., например, анализ функционирования слова «свобода» в «Житии старца Зосимы» и «Легенде о великом инквизиторе» [16]).

Наконец, к третьей группе – авторским оценочным единицам – относятся единицы типа «Бернар», не имеющие выраженного потенциала развития морально оценочных сем в языке и обретающие их исключительно в контексте, часто разово. Такие единицы, благодаря неожиданности и непредсказуемости трансформации значения, наиболее образны, запоминаемы и часто становятся основой языковой игры, выполняя, помимо содержательной, функцию привлечения и удержания читательского внимания.

4. Наконец, после детального описания и анализа систем общезыковых и индивидуально-авторских единиц исследуемого ЛСП можно перейти к заключительному и важнейшему этапу – реконструкции фрагмента авторской картины мира, репрезентируемого ЛСП.

До сих пор мы занимались, по сути, деконструкцией текста: вычленили из него – пусть и с постоянной пристальной оглядкой на контекст – отдельные единицы, классифицировали их, помещали во внеположную тексту систему последовательных семантических связей – полевое пространство, сверяли свое чувство языка с внешними по отношению к тексту источниками –

⁷ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Т. 14. Братья Карамазовы: Роман в 4 ч. с эпилогом / текст подгот. В.Е. Ветловская, Е.И. Кийко. Кн. 1–10. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. – 511 с. С. 100.

⁸ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Т. 15. Братья Карамазовы. Кн. 11–12. Эпилог. Рукописные ред. / текст подгот. и примеч. сост. А.И. Батюто и др. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. – 624 с. С. 32.

словарями, врывались в текст, проверяя отнесенность единицы к ЛСП путем подмены авторской метафоры синонимом с подходящим общеязыковым значением и т. д. Подобные нарушения целостности текста с целью изучения системы его компонентов часто встречают критику: в ходе исследования нам не раз доводилось сталкиваться с сомнениями коллег в применимости полевого метода к изучению художественного текста. Главный аргумент против полевого подхода сводится к тому, что поле как система гиперо-гипонимических связей общеязыкового уровня существует в языке, но не в тексте. Мы же, напротив, утверждаем, что ЛСП – реально существующая в тексте структура, именно благодаря своей общеязыковой природе раскрывающая множественные текстовые коннотации и обеспечивающая связь «автор – читатель» на уровне фонового контекста. Вне этого контекста считывание заложенного автором идейного содержания текста попросту невозможно. Фоновый контекст – отправная точка авторского размышления и читательского осмысления текста: не установив ее, нельзя уловить текстовых художественно и идейно значимых отступлений от общепринятой в национальной культуре нормы, отделить общее от индивидуального, правило от исключения.

В состав ЛСП моральной оценки в текстах Ф.М. Достоевского мы не включили ни одного чуждого тексту слова, при классификации лексики старались учесть малейшие контекстные трансформации значений, но при установлении лексических связей в структуре ЛСП действительно намеренно опирались на внетекстовые источники – словари. Если бы на этапе описания состава и структуры ЛСП, выведенного за пределы текста, мы сочли свою работу завершенной, критика полевого подхода к изучению художественного произведения, вероятно, имела бы основания. Однако завершенной мы ее отнюдь не считаем: систематизировав текстовую лексику в соответствии с закрепленными в языковой системе семантическими отношениями, мы получили своего рода матрицу, отражающую актуальное для языка соотношение значимых этических концептов. Теперь эту матрицу мы можем использовать для отслеживания отступлений от этого соотношения как в тексте в целом, так и в отдельных его фрагментах.

Суть реконструирующего анализа ЛСП в тексте состоит в следующем: выбранные в ходе деконструкции единицы нам предстоит «вернуть» в текст, переосмыслив их функцию в нем и, возможно, содержание текста в целом на основании ранее полученной информации о жизни единицы вне текста – в фоновом общекультурном контексте, связывающем автора и читателя. Проще говоря, мы предлагаем внимательно, аналитически перечитать текст, обращая внимание на совпадения и несовпадения в нем состава и структуры ЛСП с общеязыковыми, попытаться объяснить несовпадения, выявить их содержательную нагрузку в тексте.

Указанная задача не всегда разрешима на уровне текста в целом: чем сложнее структурно текст, тем больше целесообразность членения его на фрагменты при реконструирующем анализе. Так, в полифоническом романе Достоевского «Братья Карамазовы», представляющем «множественности самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний» [17, с. 10], обнаруживается не одна, а несколько самостоятельных этических систем, соотнесенных с образами центральных персонажей. Именно столкновение этих систем составляет центральный конфликт и основу идейного содержания романа. Перед нами не единая этическая система, а сложная структура, основанная на противодействии нескольких самостоятельных этических систем. Поэтому для реконструирующего анализа этической структуры текста мы выбрали в качестве материала речь центральных персонажей романа – четырех братьев Карамазовых – Дмитрия, Ивана, Алеши и Смердякова. Не пересказывая всего хода и выводов исследования (см. [10, с. 225–331]), обратимся лишь к некоторым результатам статистического исследования состава ЛСП в речи выбранных персонажей. Внимание именно к статистическим результатам связано, во-первых, с их показательностью и объективностью («количественные характеристики наполнения каждой области структуры <...> семантического поля в значительной степени характеризуют специфику <...> текста» [18, с. 17]), во-вторых, с

возможностью сопоставить их с ранее полученными на материале всего текста романа результатами.

Выше мы отмечали, что в тексте «Братьев Карамазовых», по сравнению с другими текстами Достоевского, заметно более частотна положительно-оценочная лексика. Дальнейший анализ текста показал, что соотношение мелиоративов и пейоративов в нем непостоянно: оно значительно меняется от эпизода к эпизоду. Особенно заметными и важными оказались различия соотношения положительной и отрицательной лексики именно в речи центральных персонажей романа. Так, в речи Алеши Карамазова на 60 % положительных единиц приходится 40 % отрицательных, в то время как в речи других исследуемых персонажей отрицательные оценочные единицы значительно преобладают (в речи Ивана и Дмитрия процентное соотношение положительных и отрицательных единиц совпадает и составляет 37 % положительных на 63 % отрицательных; в речи Смердякова мелиоративы еще менее частотны – 32 % на 68 %). Таким образом, из четырех персонажей лишь один представляет в тексте романа положительно ориентированную, созидательную, обращенную к идеалу систему этических представлений.

Дальнейшее количественное сопоставление групп морально-оценочной лексики, выделяемых по разным основаниям в разных текстах Достоевского, показало, например, что высокая частотность в речи персонажа положительно-оценочных единиц сочетается с низкой частотностью индивидуально-авторских оценок. И наоборот: чем больше в речи персонажа отрицательных оценок, тем больше и процент индивидуально-авторских. Соединив это наблюдение с ранее сделанным замечанием о неравномерности распределения положительной и отрицательной лексики в структуре ЛСП, приходим к следующему выводу. ЛСП моральной оценки в речи положительных героев Достоевского характеризуется, во-первых, несвойственным общезыковой системе морально-оценочной лексики преобладанием положительных единиц; во-вторых, незначительным употреблением индивидуально-авторских оценок по сравнению с употреблением общезыковых единиц ЛСП; в-третьих, высокой частотностью единиц ядерной и приядерной зон ЛСП и низкой частотностью периферийных. Эти признаки на лексическом уровне свидетельствуют о соответствии этических представлений персонажа общекультурному нравственному идеалу, совпадающему с авторским. И наоборот, высокая частотность отрицательной лексики, индивидуально-авторских оценок, периферийных единиц поля являются признаками отрицательной этической программы персонажа, его отречения от нравственного идеала русской культуры, отъединения. Таким образом, уже на уровне сопоставления количественного состава ЛСП моральной оценки в речи персонажей и матричной структуры ЛСП обнаруживаются значимые для общей этической структуры текста положения.

Рассуждая о концептосфере, Д.С. Лихачев писал, что концепт является «своего рода «алгебраическим» выражением значения», подобно тому как «язык нации является сам по себе сжатым <...>, алгебраическим выражением всей культуры нации» [19, с. 28, 36]. Позаимствовав эту метафору, скажем, что ЛСП в тексте, на уровне лексических единиц фиксируя фрагмент концептосферы, является алгебраическим выражением фрагмента идейного содержания этого текста – формулой, представляющей в сжатом виде и тем самым структурирующей его образную систему. Выявление этой формулы – не искусственное расчленение текста, а необходимая для анализа содержательной и образной структуры текста процедура, позволяющая комплексно описать состав и структуру фрагмента авторской языковой картины мира, а также сопоставить авторский контекст с фоновым, общекультурным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тюрин, В.Б. Лексико-семантическое поле «Родина» в лирике Н.М. Рубцова: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Тюрин Владимир Борисович. – Нижний Новгород, 2017. – 211 с.
2. Куренкова, Т.Н. Лексико-семантическое поле "Еда" в произведениях Н.В. Гоголя, А.П. Чехова, М.А. Булгакова: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Куренкова Татьяна Николаевна. – Кемерово, 2008. – 248 с.
3. Белов, А.А. Лексико-семантическое поле "Зной" в поэтических текстах Ф.И. Тютчева: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Белов Андрей Александрович. – Санкт-Петербург, 2008. – 170 с.
4. Маркелова, В.М. Лексико-семантическое поле "тревога" в лирике А.А. Блока: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Маркелова Виктория Михайловна – Арзамас, 2009. – 232 с.
5. Ермаковская, Т.А. Лексико-семантическое цвето-световое поле в прозе Б.К. Зайцева: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Ермаковская Татьяна Александровна – Москва, 2011. – 159 с.
6. Бут, А.С. Лексико-семантическое поле «Понимание» в драматургическом тексте А.П. Чехова: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Бут Анна Сергеевна – Москва, 2014. – 201 с.
7. Кочнова, К.А. Лексико-семантическое поле «Природное время» в языковой картине мира А.П. Чехова: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Кочнова Ксения Александровна – Нижний Новгород, 2005. – 178 с.
8. Халитова, Н.Р. Лексико-семантическое поле «Жители страны ГУЛАГ» в «Колымских рассказах» В.Т. Шаламова: Особенности структурно-семантической организации: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Халитова Надежда Рэнатовна – Магнитогорск, 2000. – 194 с.
9. Плахина, Е.В. Лексико-семантическое поле «космос» в лирике В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Плахина Елена Валерьевна – Тюмень, 2004. – 213 с.
10. Ткаченко, О.Ю. Лексико-семантическое поле моральной оценки и этическая структура художественного мира Ф.М. Достоевского: к проблеме творческой эволюции: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Ткаченко Ольга Юрьевна – Москва, 2011. – 428 с.
11. Маркелова, Т.В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Маркелова Татьяна Викторовна. – М., 1996. – 552 с.
12. Ветловская, В.Е. Ф.М. Достоевский. Источники творчества. Поэтика. Проблематика: диссертация в виде научного доклада на соискание степени доктора филолог. наук: 10.01.01 / В.Е. Ветловская – СПб., 1996 – 48 с.
13. Иустин (Попович), преподобный. Философия и религия Ф.М. Достоевского / Преподобный Иустин (Попович). – Мн.: Издатель Д.В. Харченко, 2008. – 312 с.
14. Козленко, П.В. Агентивные имена как средство выражения оценочных значений в идиостиле Федора Михайловича Достоевского: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Козленко Полина Вячеславовна. – Мичуринск, 2004. – 216 с.

15. Ткаченко О.Ю. Художественная дефиниция и ее функции в текстах Ф.М. Достоевского / О.Ю. Ткаченко // Язык – культура – история. Сборник статей к 80-летию Льва Ивановича Скворцова. – М.: Литературный институт им. А.М. Горького, 2014. – С. 154–161.
16. Ткаченко О.Ю. Лексико-семантические связи текстов легенды о Великом инквизиторе и жития старца Зосимы в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – М.: МГОУ, 2010. – № 2. – С. 102–109.
17. Бахтин, М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. – М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002 – 799 с.
18. Михальская, А.К. Русские и англичане: особенности речевого поведения и восприятие художественной литературы / А.К. Михальская // Вестник Литературного ин-та им. А.М. Горького. – М.: Изд-во Литературного ин-та им. А.М. Горького, 2006. – №1. – С. 3–20.
19. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Русская словесность: Антология. М.: Academia, 1997. С. 28–37.

Tkachenko Olga Yurievna

Maxim Gorky institute of literature and creative writing, Moscow, Russia
E-mail: non_ho_paura@mail.ru

Features of studying of the lexico-semantic field in the literary text (on the example of the lexico-semantic field of moral assessment in the novel by F.M. Dostoevsky «The Brothers Karamazov»)

Abstract. In the article the technique of the literary text's lexico-semantic field's structure research that was developed by the author while studying moral and evaluative vocabulary in literary texts of F.M. Dostoevsky is described. Tasks and principles of the research of the lexico-semantic field in the text differ from tasks and the principles of its studying on language material therefore work with the lexico-semantic field as text structure requires the special approach considering, on the one hand, indissoluble connection of the text with the common cultural conception fixed in the language, on the other hand – supreme importance of differences between a text field and a common-language field. These differences allow to record the significant phenomena of an author's language picture of the world at the level of lexicon, to compare author's and common-language conceptual spheres.

The technique offered in article describes four obligatory investigation phases of the lexico-semantic field in the text: definition of a central zone of the field, studying of common-language units of the field in the text, studying of individual and author's units and complex studying of units of the field in key fragments of the text. The author proves that during the work even with common-language units of the field in the text the constant turn to a context is necessary, she offers possible ways to check whether the unit relates to the explored field and what place it takes in its structure taking into account a literary context. The last stage of studying assumes the reconstructing analysis of the text establishing a function of the explored field and also the role of the ideas and images it represents in the text.

Each of four stages is illustrated with example units of the lexico-semantic field of moral assessment in the novel by F.M. Dostoevsky *The Brothers Karamazov*, however the described technique is universal, applicable to various fields both in literary and non-literary texts.

Keywords: lexico-semantic field; literary text; moral assessment; evaluative vocabulary; semantics; semantic analysis; Dostoevsky; «The Brothers Karamazov»; conceptual sphere; linguistic picture of the world

REFERENCES

1. Tyurin V.B. (2017). Leksiko-semanticheskoe pole «Rodina» v lirike N.M. Rubtsova. [*The lexical-semantic field "Homeland" in the lyrics of N.M. Rubtsova.*] Nizhny Novgorod, p. 211.
2. Kurenkova T.N. (2008). Leksiko-semanticheskoe pole "Eda" v proizvedeniyakh N.V. Gogolya, A.P. Chekhova, M.A. Bulgakova. [*The lexical-semantic field "Food" in the works of N.V. Gogol, A.P. Chekhov, M.A. Bulgakova.*] Kemerovo, p. 248.
3. Belov A.A. (2008). Leksiko-semanticheskoe pole "Znoy" v poeticheskikh tekstakh F.I. Tyutcheva. [*The lexical-semantic field "Heat" in the poetic texts of F.I. Tyutcheva.*] Saint Petersburg, p. 170.
4. Markelova V.M. (2009). Leksiko-semanticheskoe pole "trevoga" v lirike A.A. Bloka. [*The lexical-semantic field "anxiety" in the lyrics of A.A. Block.*] Arzamas, p. 232.

5. Ermakovskaya T.A. (2011). Leksiko-semanticheskoe tsveto-svetovoe pole v proze B.K. Zaytseva. [*The lexico-semantic color-light field in B.K. Zaitseva.*] Moscow, p. 159.
6. But A.S. (2014). Leksiko-semanticheskoe pole «Ponimanie» v dramaturgicheskom tekste A.P. Chekhova. [*The lexical-semantic field "Understanding" in the dramatic text A.P. Chekhov.*] Moscow, p. 201.
7. Kochnova K.A. (2005). Leksiko-semanticheskoe pole «Prirodnoe vremya» v yazykovoy kartine mira A.P. Chekhova. [*The lexical-semantic field "Natural time" in the linguistic picture of the world A.P. Chekhov.*] Nizhny Novgorod, p. 178.
8. Khalitova N.R. (2000). Leksiko-semanticheskoe pole «Zhiteli strany GULAG» v «Kolymskikh rasskazakh» V.T. Shalamova: Osobennosti strukturno-semanticheskoy organizatsii. [*The lexico-semantic field "Residents of the Gulag Country" in "Kolyma Tales" V.T. Shalamova: Features of the structural-semantic organization.*] Magnitogorsk, p. 194.
9. Plakhina E.V. (2004). Leksiko-semanticheskoe pole «kosmos» v lirike V.A. Zhukovskogo, A.S. Pushkina, M.Yu. Lermontova. [*The lexical-semantic field "cosmos" in the lyrics of V.A. Zhukovsky, A.S. Pushkin, M.Yu. Lermontov.*] Tyumen, p. 213.
10. Tkachenko O.Yu. (2011). Leksiko-semanticheskoe pole moral'noy otsenki i ehticheskaya struktura khudozhestvennogo mira F.M. Dostoevskogo. [*The lexical-semantic field of moral evaluation and the ethical structure of the art world F.M. Dostoevsky.*] Moscow, p. 428.
11. Markelova T.V. (1996). Semantika otsenki i sredstva ee vyrazheniya v russkom yazyke. [*Semantics of assessment and means of its expression in Russian.*] Moscow, p. 552.
12. Vetlovskaya V.E. (1996). F.M. Dostoevskiy. Istochniki tvorchestva. Poetika. Problematika. [*F.M. Dostoevsky. Sources of creativity. Poetics. Issue.*] Saint Petersburg, p. 48.
13. Iustin (Popovich), reverend (2008). Filosofiya i religiya F.M. Dostoevskogo. [*Philosophy and religion F.M. Dostoevsky.*] Minsk: Publisher D.V. Kharchenko, p. 312.
14. Kozlenko P.V. (2004). Agentivnye imena kak sredstvo vyrazheniya otsennochnykh znacheniy v idiostile Fedora Mikhaylovicha Dostoevskogo. [*Agent Names as a Means of Expressing Estimated Values in the Idiostyle of Fedor Mikhailovich Dostoevsky.*] Michurinsk, p. 216.
15. Tkachenko O.Yu. (2014). Khudozhestvennaya definitsiya i ee funktsii v tekstakh F.M. Dostoevskogo. [*Artistic definition and its functions in the texts of F.M. Dostoevsky.*] Moscow: Literary Institute A.M. Gorky, pp. 154–161.
16. Tkachenko O.Yu. (2010). The lexical and semantic connections of the texts of the legend of the Grand Inquisitor and the life of the old man Zosima in the novel by F.M. Dostoevsky "The Brothers Karamazov". *Bulletin of Moscow State Regional University. Series "Russian Philology"*, 2, pp. 102–109 (in Russian).
17. Bakhtin M.M. (2002). Sobranie sochineniy: v 7 tomakh. Tom 6. [*Collected works: in 7 volumes. Volume 6.*] Moscow: Russian Dictionaries: Languages of Slavic Culture, p. 799.
18. Mikhal'skaya A.K. (2006). Russian and English: features of speech behavior and perception of fiction. *Bulletin of the Literary Institute of them A.M. Gorky*, 1, pp. 3–20 (in Russian).
19. Likhachev D.S. (1997). Kontseptosfera russkogo yazyka. [*The conceptsphere of the Russian language.*] Moscow: Academia, pp. 28–37.